

съ вопросами бытія, мы лишь разговариваемъ о нихъ, отраженныхъ въ искусствѣ; да и разговариваемъ только до тѣхъ поръ о новыхъ книгахъ и пьесахъ, пока не явится повѣйшія; и мы видимъ въ жизни просто сюжетъ, и такъ же смотримъ на художество, и не проникаемъ въ его серьезную и трагическую глубину; мы вообще съ міромъ обращаемся легко...

Побѣда Толстого надъ собственными мыслями, какъ мыслями, преодолѣніе теоретика,—напримѣръ, теоретического отрицателя войны, — проявляется и въ прекрасномъ „Хаджи-Муратѣ“, въ самомъ фактѣ его существованія. Вѣдь та вѣчная эпопея, которая зовется Война и миръ, представляетъ собою не только заглавіе великаго романа, но и постоянную категорію жизни. Самое бытіе естественно и неизмѣнно, безъ остатка, дѣлится на эти два основные элемента, космическая Иліада и Одисею, на эмпедоклово двуначаліе ненависти и любви. Именно поэтому не случайно, а въ силу внутренней необходимости, даль Толстой свое знаменитое произведеніе, свою двуединую гомеровскую поэму: живой фактъ природы, онъ такое участіе принимаетъ въ мірѣ, стихійной мощью своего творчества такъ органически самъ входитъ въ мірозданіе, что и нельзя было ему въ своемъ словѣ не отозваться на міровую сущность. И оттого же, когда въ послѣдніе годы, преимущественнымъ отраженіемъ которыхъ служатъ его посмертныя страницы, просну-